

Джеймс Максвелл (1719–1800)

**УРАНИЯ.
К МУЗЕ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО.**

Перевод Е.Д. Фельдмана

Писать в угоду всем и всюду, –
Тебе по силам это чудо?
Тогда и брови чуть нахмуря,
Тебе не внове вызвать бурю.
Под солнцем не было умельца,
Что провернул бы это дельце!
Читатель первый твой – ученый,
Высокой мыслью увлеченный,
Высоким разумом и чувством,
И если ты высок искусством,
Он томик твой, открыв, как дверцу,
Им усладит и слух, и сердце.
Второй читатель – неотесан,
Умом и чувствами разбросан.
Ему довольно ахинеи,
Стихов и прозы подрянее.
А третий – глуп, и он пинает
Всё то, что критик распинает,
А что понять не в силах будет,
Отвергнет, вычеркнет, забудет.
Четвертому – дай стих с манером,
Со звонкой рифмой и размером.
А пятого, – как мошку к свету,
Влечет к стиху, где рифмы нету.
Шестой – стихи зовет «стихозой»,
Он увлечен одной лишь прозой,
Предпочитая потошнее,
Которой в мире нет скучнее.
Седьмой, – чирикает, как чижик,
И никаких не любит книжек.
Он услаждает мелкий разум
Историй плотских пересказом.
Восьмой же, – Библию лишь видя,
Всё остальное ненавидя,
Лишь только в ней, традиционной,
Взыскует истины исконной.
И всё же книги знаменитой
Ему не внятен смысл скрытый,

И то, что так он почитает,
Довольно редко он читает,
Но, коль обложка с позолотой,
Берет он Библию с охотой
Чтоб в церкви с ней покрасоваться, —
Пускай соседи подивятся!

Но есть и худшие создания,
Людей грошовые издания,
Что любят умственные басни,
Скабранных басен поопасней.
С любой такой книжонкой скверной
Ты в ад сойдешь дорожкой верной
Под песни звонкие деистов,
Шутов, уродов и артистов.

Вот Дэвид Юм, что пишет враки,
С ним рядом Даджен в адском мраке.
Вот Бернс, дурацкий сочинитель,
Религий всяческих гонитель.
Вот Питер Пиндар с гневным оком,
Что к Королю ходил с упреком,
Вот Болингброк, чей адский разум
Весь мир готов обрушить разом,
И с ним другие, что не редки,
Им правда Неба — горше редьки.

Се — авторы, любовь к которым
Питают разве шлюха с воров.

Черни же белое со смехом,
Добудешь денежки с успехом.
А если хочешь славу, имя
Добыть писаньями своими,
Прикинь, с каким быть хочешь рядом
Поименованным разрядом,
Ведь угодить и всем, и сразу, —
Такого не было ни разу.

Сие Урания богиня
Внушала Барду. И доньше
Не стал он, вняв ее советам,
Для всех и каждого поэтом,
Уразумев: лишь на немногих,
На беспристрастных, умных, строгих
Он должен твердо полагаться,
И с ними дружба искаться,
И с ними в споре, — но не в сшибке, —
Свои реальные ошибки,
Что им допущены вначале,

Он должен править без печали.
Таким читателям не ложно
Служить он должен, сколько можно.
И пусть восторженной и бурной
Звучат порой восторги дурней,
К тому, кто злом считает благо,
А благо злом, вперед – ни шага,
Такой не надобен и даром,
Пожертвуй даже гонораром,
Пожертвуй лишним комплиментом
И не внимай аплодисментам.
И пусть он злобствует, клеветает,
Но где Создатель рукоплещет,
Живи, довольный сам собою,
Довольный собственной судьбою.
Пускай ты злата не добудешь,
Но всё равно ты счастлив будешь:
Где реет гений твой победный,
Не стыдно слышать: «Малый бедный!»
Что взять с поэтов бледнолицых? –
Их бедность – притча во языцах.
И если кто-то связан долгом,
По размышлении недолгом
Пускай хулу вернет хулящим
Он гласом гневным и звенящим,
И не боится наглых рож их,
Твердя об истинах расхожих,
Не трусит слов несправедливых,
Громя поэтов похотливых.
Того, кто бьет их за зловредность,
Не устрашат нужда и бедность.
И всё ж... Глупцы вначале рады:
Их забавляют эскапады.
Потом толпа визжит, хохочет
И вопрошает: «Что он хочет?»
Чем выше дух его в полете,
Тем глубже тонет он в болоте,
И даже те, что с ним считались,
Глядишь, вздохнули и расстались.
И это вы, Поэты, взвесьте,
И только после в драку лезьте.
Чем в небесах парите выше,
Тем ближе вы к церковной мышце! ¹

¹ Перевод создан 21–23.11.2005. Публикуется впервые.